

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Отечественная история

УДК 94(571.1)

DOI 10.37386/2413-4481-2022-1-57-62

Светлана Ивановна Бондаренко

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия, bonsvet@bk.ru

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ КАК КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность советских культурно-просветительных учреждений – изб-читален как коммуникационной площадки власти и крестьянства в Западной Сибири. Анализируются формы и методы работы изб-читален. Рассматривается специфика отношения сельских жителей к работе данных учреждений на основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Выявляются особенности адаптационных практик, применяемых властью, результатом коммуникации становится повышение общего уровня культурного развития крестьянства и его включение в советскую систему отношений.

Ключевые слова: изба-читальня, крестьянство, власть, деревня, идеологическое влияние, советская власть.

Svetlana I. Bondarenko

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia, bonsvet@bk.ru

THE IZBA-READING ROOM AS A COMMUNICATION SPACE OF THE GOVERNMENT AND THE PEASANTRY DURING THE NEP YEARS (BASED ON THE MATERIALS OF WESTERN SIBERIA)

Abstract. The article examines the activities of the Soviet cultural and educational institutions – reading rooms, as a communication platform for the authorities and the peasantry in Western Siberia. The forms and methods of work of reading rooms are analyzed. The article considers the specificity of rural residents' attitude to the work of these institutions, based on archival data that are first introduced into scientific use. The features of adaptation practices applied by the authorities are revealed, the result of the communication is an increase in the general educational and cultural level of the peasantry and its inclusion into the Soviet system of relations.

Keywords: izba-reading room, peasantry, authorities, village, ideological influence, Soviet power.

Значимость качественного изменения исследовательских моделей обусловлена наступлением новой ситуации в культуре познания, смещением исследовательского интереса с описания событий к описанию состояний. Советская тематика не стала исключением. К числу знаковых событий раннесоветского периода, требующих переосмысления, относится и культурная революция. Переосмысление широкого круга вопросов культурной революции как составляющей советского проекта воспитания «нового человека» связано не только с потребностью переосмыслить роль «маленького человека», но и необходимостью выявить, каким образом происходили процессы взаимной адаптации (коадаптации) к новой реальности. В рамках культурной революции важное значение имело вовлечение крестьянства в советскую действительность. Для этого крестьянам необходимо было образовать и идеологически

правильно воспитать. Значимую роль в данном вопросе в 1920-е гг. играли избы-читальни.

Анализ адаптационных практик различных слоев населения к советской действительности в указанный период становится важным элементом историографической риторики историков, исследующих как общероссийские тенденции (С.В. Яров [1]), так и региональные (В.И. Исаев, В.И. Быстренко, И.С. Кузнецов [2–4]). Различные интерпретации региональных особенностей социокультурных трансформаций, в том числе работа сибирских изб-читален в деревне, представлены в работах Л.И. Боженко, Е.Е. Воложаниной, Л.П. Малаховой и др. [5–7]. В большей части исследований работа изб-читален рассматривается в региональном срезе с позиции просвещения, культурно-просветительной, идеологической работы с населением. Несмотря на преимущественно идеологический уклон работы изб-читален,

исследователями отмечается их положительная роль с точки зрения просвещения крестьян. При этом недостаточно, на наш взгляд, исследован адаптационный потенциал избы-читальни и отношение самих крестьян к работе изб-читален.

Целью работы является реконструкция коммуникативного пространства избы-читальни как основного центра культурно-просветительной и идеологической работы в региональном срезе. Анализ методов и форм работы избы-читальни, отношение к этому процессу крестьян позволит вычленивать проблемы социальной коммуникации власти и крестьянства в повседневной жизни и обозначить способы коадаптации к новым социальным реалиям, что дополнит понимание процесса формирования советского общества.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, в рамках которой формирование и воспитание «нового, советского» человека рассматривается как составная часть процесса преобразования большевиками традиционного общества. Для реализации задач исследования использовался проблемно-хронологический метод. В соответствии с ним из всего спектра культурно-просветительной работы новой власти была выделена работа изб-читален и рассмотрена в хронологической последовательности. Также в работе использовался историко-сравнительный метод, помогающий выявить общероссийские и региональные особенности организации изб-читален. Применяемый принцип междисциплинарности позволил проанализировать эмоциональное отношение крестьян к избам-читальням, их реакции на новые методы работы власти.

Источниковой базой статьи послужили архивные материалы Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ), в частности коллекция писем в «Крестьянскую газету» (было просмотрено и проанализировано 86 писем крестьян Западно-Сибирского региона), материалы обследований, отложенные в Центре документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО), Государственном архиве Новосибирской области (далее – ГАНО), Государственном архиве Алтайского края (далее – ГААК), материалы региональной прессы.

В процессе трансляции социалистических идеологием в деревне большевики столкнулись со значительными проблемами. Это безграмотность большинства взрослого населения, отсутствие элементарного умения читать и писать, что значительно затрудняло понимание новых идеологических установок, и малочисленность самих книг советского содержания. О недостатке книг свиде-

тельствовал в том числе и тот факт, что невозвращение книги в библиотеку, избы-читальню расценивалось как уголовно наказуемое преступление. Так в январе 1923 г. Наркомат юстиции разъяснял народным судьям, «что означенное преступление является достаточно серьезным, так как оно причиняет материальный ущерб государству и наносит вред делу просвещения» [8, с. 99]. Представляется, что такая установка органов юстиции независимо от реальной практики свидетельствовала о недостатке советских книг и попытке сохранить имеющийся фонд.

Но просто обучить взрослое население грамоте, научить читать было недостаточно для воспитания нового человека и усвоения им советских ценностей. Нужна была систематическая работа в деревне. Опорным пунктом, центром всей культурной, политпросветительной и идеологической работы в деревне партийные съезды признали волостную избы-читальню как наиболее приближенную территориально к крестьянской среде.

Выбор избы-читальни в качестве коммуникационного пространства неслучаен. Известно, что избы-читальни как центры сельского просвещения возникли в России еще до революции, но в силу разных обстоятельств большого развития не получили. В первые годы нэпа развитие изб-читален было прервано экономическим кризисом. Согласно правительственному постановлению от 15 сентября 1921 г., все культурные учреждения снимались с госбюджета и переводились на местный. Сельские культурные учреждения выживали за счет самообложения населения. При таких условиях без плодотворной коммуникации было не обойтись, необходимо было договариваться, убеждать крестьян в необходимости работы избы-читальни в деревне.

В 1922 г. был издан циркуляр ЦК РКП(б) «О восстановлении изб-читален». Через год на XII съезде партии было выдвинуто решение создать в каждой губернии сеть изб-читален, которые бы содержались за счет местных средств, средств кооперативных организаций и других хозяйственных органов. Ставились задачи улучшения подготовки работников изб-читален. Организация этой работы возлагалась на совпартшколы. XIII съезд РКП(б) в мае 1924 г. констатировал: «Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма» [9, с. 20]. Именно вокруг изб-читален должны были организовываться ликпункты с начальным политическим просвещением крестьянства. Были указаны основные формы работы избы-читальни с населением: справочные столы, библиоте-

ки, кружки, пункты ликвидации неграмотности, краткосрочные практические курсы, чтение газет, селькоровская работа, стенная газета для гласности [10, с. 27].

Таким образом намечался новый этап в развитии культурно-просветительных учреждений как в стране, так и в Западной Сибири. В Алтайской губернии в конце 1923–1924 гг. для изучения состояния работы изб-читален и отношения крестьян к их работе Бийским уездным отделом народного образования были собраны анкетные материалы избачей, характеризующие работу изб-читален. Анкеты были получены из 6 сел уезда. В анкете отдельным вопросом стояло отношение местных властей к избам-читальням и отношение самих крестьян, что говорило о том, что избы-читальни признавались коммуникационной площадкой. Власти необходима была обратная связь. Большинство анкет давали отчеты о работе за 1922–1923 гг. По данным избачей, диапазон посещения избы-читальни варьировался от 10 до 25 человек в день. Отношение к избе-читальне избачи определяли как удовлетворительное или хорошее, причем как со стороны крестьян, так и со стороны волисполкома. Совет избы-читальни и справочный стол присутствовали только в 2 селах из 6. Основными проблемами, по данным избачей, являлись: недостаток литературы, скудное состояние материальной базы [11, л. 7]. Заметим, содержались избы-читальни Западной Сибири за счет финансирования из различных источников: из государственных источников – 1,3 %, из окружных – 22,2 %, районного – 50,4 %, внебюджетного – 25,9 % [6, с. 21].

Важным аспектом работы изб-читален стала работа библиотек. Адаптация работы библиотек на селе в избах-читальнях выразилась в организации сельских передвижных библиотек. В РСФСР в 1925 г. 50 % избачей работали в передвижках [12, с. 66]. Работа передвижек была тесно связана с такой адаптационной практикой, как книгоношество. Книгоноши посещали крестьянские дома, агитируя население покупать книги. Для привлечения внимания книгоноши использовали различные костюмы. Так у книгоноши-доктора крестьяне могли приобрести медицинскую литературу, у книгоноши-крестьянина – по сельскому хозяйству. Эта практика стала характерной особенностью работы библиотек при избах-читальнях и в деревнях Западной Сибири [7, с. 76]. Ставилась цель – привлечь к чтению максимальное количество населения.

Ввиду недостатка книг в качестве политпросвещения использовались газеты. Сами крестья-

не на страницах центральных газет и журналов «Крестьянская газета», «Беднота», местных газет «Новая деревня», «Молодая деревня», «Красный Алтай», «Алтайская деревня» активно обсуждали работу изб-читален, предлагали меры по улучшению работы, хвалили, критиковали. Крестьяне считали, если это касается изменения их жизни, значит, они имеют право голоса в этих вопросах.

Для привлечения населения к работе изб-читален создавались образцовые избы-читальни. Заведующим такой избой-читальней назначался преимущественно коммунист. К работе привлекались местные учителя, агрономы, фельдшеры и другие специалисты. Непосредственное общение с крестьянами, разъяснение волнующих вопросов ставилось во главу угла. Заявления, поданные крестьянами через избы-читальню, должны были рассматриваться в первую очередь. Все сельские собрания, митинги, доклады также должны были проводиться в избе-читальне. Для создания положительного образа власти в избе-читальне должны были выставляться таблицы, карты, диаграммы, отражающие успехи и достижения в народном хозяйстве [13, л. 39]. «Объединение всех живых сил деревни» ставилось первостепенной задачей.

Второе условие успешной работы избы-читальни власти видели в согласовании специальных задач организации работы читальни. Обратим внимание на термин «согласование», который использовался властью для создания эффективного коммуникационного пространства. В практическом выражении это проявлялось в проработке подготовительного и содержательного этапов организации работы. Составлялся месячный план работы, с учетом ритмов крестьянской работы и отдыха. Подготовительный этап включал в себя: создание совета избы-читальни, куда входили деревенские организации, которые должны были в установленный срок предоставить свой план работы, далее после согласования принимался общий план; налаживание выписки газет; организацию работы библиотеки, приведение внешнего вида избы-читальни в порядок (наличие мебели, почтовых ящиков, оформления и т. д.). Содержание работы тоже тщательно прорабатывалось. Важно отметить, что власть рефлексировала свою работу с точки зрения оценки крестьянством. Был сделан вывод, что всякая работа избы-читальни становится убедительной тогда, когда имеет практическую пользу для крестьян. Были выделены три аспекта или, как их называла власть, «три кита» крестьянских интересов – хозяйственная деятельность, власть и быт.

Вокруг этих вопросов должна была строиться работа избы-читальни. Было установлено, что хозяйственные интересы крестьян меняются относительно изменения хозяйственной деятельности [13, л. 92]. Поскольку на зимние месяцы (январь, февраль) выпадало много религиозных праздников, предлагалось посвятить это время антирелигиозной работе, противодействию самогонварению в деревне путем устройства вечеров, громких читок и других мероприятий. В конце февраля, марте работа избы-читальни должна была быть переориентирована на активизацию справочного стола, в связи с предстоящей посевной работой. Вообще следует отметить, что власти уделяли значительное внимание агрономической работе, стараясь учесть запросы крестьян. Поэтому справочный стол должен был иметь справочник крестьянина, адреса губернских и сельских организаций и учреждений, сельскохозяйственных складов, ремонтных бригад, прокатных, случных, опытных и других пунктов [13, л. 93].

Справочная работа избы-читальни становилась основой вербальной коммуникации с крестьянством. Сельчанин из Томского округа, сообщая о том, каким образом изменилась жизнь деревни с приездом к ним нового избача, акцентирует внимание именно на данном аспекте коммуникации. Из письма явствует, что избач нашел точки взаимодействия с крестьянами, все старался объяснить, рассказать, что для крестьян было крайне важно. В заключении автор говорит о том, что доверие к нему крестьян «громдное» [14, л. 32-33]. По всей видимости, крестьянин не ошибается, говоря о доверии крестьян к избачу, так как весной, когда начинаются весенне-полевые работы, собрать 100–120 крестьян в школу изучения политики РКП(б) было не всем секретарям под силу. Для этого нужно было зарекомендовать себя в глазах крестьян. О заинтересованности крестьян в работе изб-читален свидетельствуют многие письма. Личные беседы во время справочной работы становятся действенной формой взаимодействия с населением. Крестьянские отклики подтверждают этот тезис. Например, крестьянин из Алтайской губернии, анализируя работу избы-читальни, отмечает: «Сельсовет работу эту возобновил, пригласил нового избача, который повел культурно-просветительную работу. Мужики к избачу Кожевникову обращаются днем и ночью, который им выдает все справки и пишет заявления о переплате с/х налога, о надежде скота и прочее» [15, л. 9]. В заключении селькор отмечает, что население охотно идет навстречу сельскому совету по благоустройству села. Дан-

ный отзыв свидетельствовал, что власть верно уловила настроение крестьян. Они откликались тогда, когда на практике убеждались во внимании властей к своим проблемам. Культурно-массовая работа понималась крестьянством не только как работа избы-читальни в плане просвещения граждан, но и как общая работа всех организаций села, направленная на улучшение благосостояния деревни.

Об этом свидетельствуют письма с мест, в том числе и самих избачей: «99 % всех запросов к нашему справочному столу – это вопросы чисто судебного характера, земельного, налогового и сводятся к писанию заявлений в то или иное соответствующее учреждение, конечно, наряду с писанием заявления, узнаешь подробности, причину, из которой вытекает вопрос, и разъясняешь крестьянину дальнейший ход его вопроса, пользу и сущность». Автор огорчается, что не хватает времени записать все запросы. «Плакат нашего справочного стола с ящиком для письменных вопросов уже начинает превращаться в ненужный, т. к. благодаря живой работе стола авторитет его среди крестьянства возрос до желательной степени и все вопросы в большинстве 90 % устные» [16, л. 12]. Таким образом, крестьяне «адаптировали» работу справочного стола. Они считали, что если их послушают, поговорят с ними, то лучше их поймут и сделают все более правильно. Вероятно, сказывалось и традиционное нежелание крестьян «прикладываться» к бумаге. Недаром в сибирской деревне бытовала пословица: «Бумажки клочок далеко поволочет». Да и политические события недавнего прошлого не прибавляли уверенности в завтрашнем дне. Следует отметить, что крестьяне отмечали позитивную динамику работы избы-читальни в том случае, если там действовали различные кружки и нуждающимся в справках «давали удовлетворительные ответы».

По результатам обследования Старо-Бардинского района Сибирского края за 1928 г. было выявлено, что стол справок работал особенно интенсивно в тех селах, где к работе власть привлекала специалистов: агрономов, врачей, фининспекторов, страховых агентов и др. Они поочередно дежурили, при этом вся работа велась под непосредственным наблюдением заведующего избы-читальней. Обычно такие заведующие пользовались авторитетом среди крестьян [17, л. 19].

Слаженная работа столов справок наблюдалась далеко не во всех избах-читальнях Западной Сибири. Ряд крестьянских писем вскрывал недостатки в работе. Но такую критику, точно так же, как и положительные отзывы, можно трактовать

как стремление к взаимодействию, желание быть причастным к новой жизни. Писали во многих случаях с просьбой разобраться, сами выявляли причины плохой работы, просили наказать виновных, помочь с литературой, кадрами и т. д., что свидетельствовало о принятии избы-читальни как коммуникационного пространства.

Проблемой коммуникационного порядка являлось неуважительное отношение к крестьянам со стороны местных совслужащих, равнодушие к их проблемам. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы с мест. Так, в письме селькора из Алтайской губернии описан конфликт рядового деревенского актива и «деревенской элиты»: членов районного исполнительного комитета (РИК). Из письма явствует, что деревенский актив при организации избы-читальни преодолел немало трудностей и добился успеха на всероссийском конкурсе, но в дальнейшем не увидел поддержки районных властей в работе избы-читальни. *«Население было возмущено этим фактом и теперь страшно восстановлено против Рика. А изба-читальня – без литературы, без декораций и с непокрашенной крышей. Плохие общественные работники, залегай вас муха»* [15, л. 2]. Крестьянин просил газету принять меры. В данном случае мы наблюдаем активную модель адаптации: ориентация на изменение ситуации, добровольное созидательное участие в работе со стороны сельского актива. Обратим внимание, плохую или хорошую культурно-массовую работу крестьяне связывали с людьми, которые ее организовывали.

Аналогичное письмо из Омской губернии: *«В селе до 1924 г. была темнота, крики и матерки, но с 1924 г. в селе стала работать изба-читальня. Организатор избы-читальни привлекла крестьян и их детей к чтению. Но вот Башмакова уехала, и теперь у нас в избе-читальне посещают только пьяные, гармоника, крики, песни, сору по колено, матерки, на столе нет газет, нет никакого порядка. Библиотекарша малограмотная 17 лет Брагина. Крестьяне бросили посещать и читать книжки»* [16, л. 2].

Действительно, большой проблемой для работы изб-читален в Западной Сибири являлась квалификация избачей. Так, Омский губполитпросвет считал пригодными к работе только 6 % избачей, требующих усиленной подготовки – 64 %, непригодными к работе – 30 % [6, с. 21]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других губерниях Западной Сибири.

Посредством избы-читальни новой властью устанавливался контакт с молодежью села. На комсомол возлагалась задача вовлечения моло-

дых ребят в работу избы-читальни. Таким образом, власти решали еще одну немаловажную для себя задачу – вовлечение в комсомол новых членов.

Крестьяне часто напрямую связывали эффективную работу избы-читальни с авторитетом работников: *«Комсомолец, авторитета не имеет, что любит стремиться за самогоном. И даже комсомольцев вытискивает за шиворот из нардома, а уже посторонняя публика вовсе боится заходить. Таких завов самих нужно за шиворот, а поставить более авторитетных и привлечь население, а не отгонять»* [18, л. 1]. Об этом же письмо из Томской губернии: *«Придешь спросить газетку, а он (вероятно, подразумевается избач) отвечает – некогда»* [19, л. 5]. Таким образом, отсутствие авторитета работников учреждений у сельчан являлось важной проблемой коммуникации.

Не менее важной проблемой для эффективной работы избы-читальни как коммуникационного пространства было бедственное материальное оснащение. Обследования многих деревень фиксировали грязь и убогость изб-читален, отсутствие литературы и специалистов, что делало посещение избы-читальни малопривлекательным. Крестьяне выделяли следующие проблемы: отсутствие литературы или ее острый недостаток, неподготовленность кадрового состава, неустроенность изб-читален. Таким образом, объяснения партийцев, что плохая посещаемость изб-читален связана с непониманием крестьянами «задач», темнотой и отсталостью, не выдерживают критики. Как показывают материалы обследований – крестьянские письма, в тех деревнях, где работа изб-читален хорошо организована, отношение крестьян было соответствующее.

Таким образом, есть основания утверждать, что избы-читальни в 1920-е гг. выполняли важную функцию коммуникативной платформы, созданной советскими и партийными органами для реализации проекта просвещения и идеологического воспитания «советского» человека. Идеология государства как адаптора, ставшая исходным аргументом в политическом и культурном просвещении крестьянства, оказалась в своих основных чертах принята крестьянством. Этому в немалой степени способствовали выработанные коммуникационные формы и методы работы. На основе анализа официальных партийных документов, материалов обследований автору удалось выявить заинтересованность власти в обратной связи с крестьянством, что проявлялось в анкетировании крестьян и разра-

ботке новых форм работы изб-читален, устройстве образцовых изб-читален, нацеленности на сотрудничество, особенно в первой половине 1920-х гг. Анализ источников личного происхождения позволил определить наиболее востребованные у крестьян формы работы изб-читален. Такими формами оказались справочные столы, библиотеки, сельскохозяйственные кружки, особенно агрономические, пункты ликвидации неграмотности, чтение газет. Рассмотрение источников личного происхождения позволило

автору выявить и определить наиболее активные модели адаптации: добровольное созидательное участие, включение, взаимодействие, ориентация на изменение ситуации к лучшему. Это наглядно демонстрируют письма крестьян, материалы обследований, заметки в региональной прессе. Результатом коммуникации стало заметное ускорение процесса «переваривания» крестьянским сознанием политических уроков Октября и встраивания их в новую канву советских отношений.

Список источников

1. Яров В. С. Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб.: Европейский дом, 2006. 570 с.
2. Исаев В. И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2003. 241 с.
3. Быстренко В. И. Батрачество Сибири в 20-е годы XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2000. 34 с.
4. Кузнецов И. С. На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психологические очерки). Новосибирск, 2001. 235 с.
5. Боженко Л. И. История советского государства: итоги и актуальные задачи изучения. Советское государство в 1920–30-е гг. Культурная революция. Внешняя политика. Вып. 5. Томск, 1990.
6. Воложанина Е. Е. Социокультурный облик западносибирской деревни в 1921–1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. 23 с.
7. Малахова Л. П. Массовые библиотеки Западной Сибири на службе у государства // Вестник ТГУ. 2008. № 310. С. 74–78.
8. Красный библиотекарь. 1923. № 2-3. С. 99, 103.
9. Жизнь Сибири. 1924. № 2. С. 20.
10. КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов / сост. В. С. Викторов, А. С. Конькова, Д. А. Парфенов. М.: Политиздат, 1963. 552 с.
11. Материалы о работе избы-читальни (Бийский уездный комитет) // ГААК. Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 162.
12. Коммунистическое просвещение. 1925. № 5.
13. Отчеты, циркуляры, письма и переписка по культурно-просветительной работе. Кооперация в деревне. (Алтайский губернский комитет) // ГААК. Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 286.
14. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 644.
15. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 95.
16. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 435.
17. Материалы Сибирского краевого комитета ВКП(б) // ГАНУ-П. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2605.
18. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 660.
19. Коллекция писем в «Крестьянскую газету» // РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 656.